

Консерватизм и национал-социализм - иллюзорные надежды и фундаментальная вражда

Аннотация. После Первой мировой войны консервативный мейнстрим был организован в Немецкую национальную народную партию. Она была крайне националистической и анти-либеральной. Больше того, превалировали антисемитские убеждения. Еще более радикальными были участники интеллектуальных кругов «консервативной революции» в 1920-е гг. Они выступали за возрождение кайзеровского рейха и надеялись на могучую Германскую империю, которая возвратит стране всемирное признание. По этой причине подавляющее большинство консерваторов приветствовали «национальную революцию» в 1933 г. и надеялись использовать движение национал-социалистов в русле своих убеждений. Когда эта стратегия не сработала, и нацистский режим развязал войну, более того, когда поражение во Второй мировой войне стало очевидным, многие консерваторы ушли из политики; некоторые даже присоединились к Сопротивлению и рискнули своими жизнями.

Ключевые слова: консерватизм, «консервативная революция», национал-социализм, «национальная революция» (1933), Сопротивление, антисемитизм

УДК 93(430)

Abstract. After the First World War, the conservative mainstream was organized in the Deutschnationale Volkspartei (German-national people's party). It was extremely nationalistic and anti-liberal. Furthermore, anti-Semitic attitudes were prevalent. Even more radical were members of the intellectual circles of the "Conservative Revolution" in the 1920's. They opposed the recurrence of the Kaiserreich and hoped for a powerful German empire, that would restore the country's worldwide recognition. In this respect, the vast majority of the conservatives appreciated the "national revolution" in 1933, and hoped to instrumentalize the movement of the National Socialists in this spirit. When this did not work out and the Nazi-regime openly planned a war, and even more when the defeat in the Second World War became apparent, many conservatives abandoned politics; a few even joined the resistance and risked their lives.

Key words: Conservatism, Conservative Revolution, National Socialism, National Revolution (1933), Resistance, Antisemitism

¹ *Шильдт Аксель* – доктор философских наук, профессор Исследовательского центра современной истории Университета г. Гамбург (ФРГ) (e-mail: schildt@zeitgeschichte-hamburg.de)

Говоря об исключительном противостоянии консерватизма и национал-социализма, мы полностью исказили бы германскую историю. Поэтому скажем «нет» противопоставлению консерватизма и национал-социализма и «да» их сравнению. Только на общем фоне сложных взаимоотношений между консерватизмом и национал-социализмом можно в достаточной мере понять, в чем заключались противоречия, породившие восстание консерваторов против национал-социалистического режима, приведшее к многочисленным жертвам².

Консерваторы на пути к 1933 г.

Для германской буржуазии консерватизм в XIX в. являлся одним из возможных вариантов мировоззрения (что следует отдельно отметить из-за принятого в течение долгого времени схематичного приравнивания буржуазии к либерализму). Смысловое ядро консерватизма не было привязано ни к определенной форме правления, ни к особенностям конкретной эпохи, как показывает его дальнейшее историческое развитие в XX в.

Неизменной оставалась общая тенденция, делавшая ставку на иерархию, авторитет, государственно-мысленное и восприятие общества как биологического организма. Богоданное и/или исторически обусловленное противопоставлялось продукту художественного/рационального мышления, как, например, договорному мышлению в либерализме. Внутри этого мировоззренческого ядра можно было наблюдать широкий диапазон разных, специфических для своего времени точек зрения.

На этом фоне следует для начала обозначить ту связь, которая стала решающей для консерватизма и национал-социализма. Речь идет о включении антисемитизма в партийную программу Немецкой консервативной партии и многих других организаций в начале 1890-х гг. Сюда восходят и истоки Немецкой национальной народной партии Веймарской республики, также не свободной от антисемитизма. Антисемитизм стал одним из важнейших элементов с точки зрения перехода от германского консерватизма к националистическим и национал-социалистическим движениям. Эту точку зрения историк Эрнст Нольте представил в своей уже довольно давней работе 1963 г., в которой определил национал-социализм как «экстремистский консерватизм».

В своем основном течении консервативная политика и консервативная мысль после Первой мировой войны были направлены против «общества масс», против политической демократии, участия

² От примечаний было решено отказаться, так как статья основывается на трех моих публикациях, опирающихся на большой круг литературных источников: Schildt A. Die Illusion der Konservativen // Schmäddeke J., Steinbach P. (Hrsg.) Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler, München, 1985. S. 151-168; также: Schildt A. Der deutsche Konservatismus – Kontinuitäten und Brüche im 20. Jahrhundert // Grunewald M., Puschner U. (Hrsg.) Le Milieu Intellectuel Conservateur en Allemagne, da Presse et ses Réseaux (1890-1960). Bern, 2003. S. 27-45; также: Schildt A. Bindung an ein konservatives Milieu als Voraussetzung von Widerstand gegen das NS-Regime? Einige Anmerkungen zu einem Forschungsproblem // Kunze R.-U. (Hrsg.) Distanz zum Unrecht. Methoden und Probleme der deutschen Widerstandsforschung. Konstanz, 2006. S. 81-94; и в качестве обзора долгосрочного развития: Konservatismus in Deutschland. Vom ausgehenden 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. München, 1998.

в профсоюзном движении и современной общественной жизни. Однако следует указать на три принципиальных расхождения, имевших большое значение с точки зрения взаимоотношений консерватизма с национал-социализмом. Во-первых, существовало принципиальное стратегическое расхождение с теми консерваторами, которые оплакивали закат кайзеровской Германии. Хотя у монархизма как такового было немного приверженцев среди консервативных партий, его ценности подспудно обуславливали менталитет военных, юристов, клерикальных и университетских кругов. Напротив, в интеллектуальной сфере доминировали так называемые революционеры-консерваторы из круга Артура Мёллера ван ден Брука и т.п., которые видели старую империю либерализованной и обреченной на упадок. Никакого возврата к старым порядкам, напротив, движение вперед к новому сильному государству, диктатуре консервативных элит как предпосылке возврата статуса великой державы. Революционным путем следовало прийти к такому положению вещей, при котором в принципе стало бы возможным жить, руководствуясь консервативными ценностями. Как известно, Адольф Гитлер был в целом захвачен этой идеей, но хотел сам стать во главе движения. А биологический расизм и консерватизм играли для революционеров-консерваторов, в отличие от Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), лишь несущественную роль.

Во-вторых, части консервативной партии, хотя бы в течение недолгого периода стабилизации Веймарской республики, хотя бы и по тактическим причинам, но договорились с политической властью, входили в состав буржуазных коалиционных правительств, приглушали свою резкую политическую риторику. Лишь вместе с разрастанием национал-социалистической партии до массового движения (на выборах в рейхстаг в 1928 г. они получили 2%, в 1930 г. – уже 18%, а летом 1932 г. достигли промежуточного максимума в 37%) произошла радикализация консервативной партии.

Альфред Гугенберг, избранный в 1928 г. председателем Немецкой национальной народной партии (НННП), также позволял величать себя «фюрером» и во многом ориентировался на Муссолини, составив, таким образом, популистскую конкуренцию Гитлеру. Мелкие ответвления от НННП успеха не добились. Прессинг со стороны правых ощущался как в национально-либерально-консервативной НННИ, так и в католической партии Центра. В целом в лагере консерваторов накануне 1933 г. доминировала антипартийность. В период канцлерства Брюнинга, фон Папена и Шлейхера, у которых не было парламентского большинства в рейхстаге и которые по этой причине правили на основании чрезвычайных распоряжений рейхспрезидента-консерватора Пауля фон Гинденбурга, решения принимались так называемыми специалистами без учета позиции партии, фактически на основе собственного понимания предпосылок консервативной революции. Как известно, НСДАП во главе с Адольфом Гитлером как народным лидером эффектно зарекомендовала себя в борьбе с кабинетными интригами именно на этом фоне и в условиях экономического кризиса.

Минимальный знаменатель, общий для всего спектра консервативных партий, заключался в стратегии сдерживания национал-социализма и был представлен в десятках вариаций. Эта стратегия предусматривала использование феноменальной популярности национал-социализма на благо разнородного по сословному признаку элитарно-антидемократического правления. Консерваторы должны были править, а НСДАП – быть опорой для масс, но с ограниченными возможностями. Эта стратегия базировалась на предположении, что движение национал-социалистов и, прежде всего, партийная армия СА смогут сдерживать коммунистическую угрозу на улицах. При этом пост канцлера ни в коем случае не должен был перейти к фюреру НСДАП. Эта консервативная стратегия не отвечала интересам Гитлера, который задумал намного более радикальный проект политического устройства. Переломным моментом в стратегии сдерживания стало назначение Гитлера в конце января 1933 г. на пост рейхсканцлера. Теперь и пресса, и консерваторы заговорили о смычке с Гитлером. Широко известно следующее высказывание католика-консерватора вице-канцлера Франца фон Папена, принадлежавшего к праворадикальному крылу партии Центра: «Мы так прижмем Гитлера, что он заскрипит». Министром с целым рядом полномочий был министр сельского хозяйства и продовольствия, председатель партии НННП Гугенберг. Национал-социалисты назначили только трех министров, большинство остальных были беспартийными консерваторами. Через полгода Гитлер уже полностью установил свою диктатуру. Консерваторов оттеснили на периферию, имперское правительство полностью утратило свое значение как орган власти.

Но было бы слишком поверхностно рассматривать приход национал-социалистов к власти путем оттеснения консерваторов в ходе 1933 г. исключительно как тактический маневр. Намного важнее то, что приход НСДАП к власти базировался на широко распространённом в среде консерваторов убеждении в глубокой идентичности их целей. Консерваторы не имели ничего против устранения террористическими методами не только коммунистического, но и всего рабочего движения. В сожжении неудобной литературы принимали участие не только члены НСДАП, но и студенты-консерваторы. Министр Гугенберг заявил на одном из первых заседаний гитлеровского правительства: «Лес рубят – щепки летят». И даже первый антисемитский бойкот в апреле 1933 г. не вызвал никаких возражений со стороны консерваторов.

Национал-социалисты, в свою очередь, обставили свой приход к власти как «национальную революцию», как объединение консервативных и христианских сил в борьбе против падения нравов и ценностей «системного времени» Веймарской республики, против эмансипации женщин, современного театра, архитектурного модернизма и т.д. Символической датой стал так называемый «День Потсдама», когда ефрейтор Гитлер выразил глубокое почтение генералу-фельдмаршалу и президенту рейха Гинденбургу.

Консерваторы Третьего рейха

В моем «Обзоре истории консерватизма в Германии» (1998 г.) я кратко указал на то, что для первых лет существования национал-социалистического режима можно выделить различные позиции консерваторов, среди которых сопротивление режиму можно приписать лишь крошечному меньшинству. В количественном плане однозначно превалировал конформизм, т.е. более или менее охотная интеграция в Третий рейх. Да и против чего в принципе мог бы возражать в то время консервативный враг Веймарской демократии? Однако интеграция зачастую протекала с использованием успокоительного самообмана, в который охотно верили, - о том, что служат не нацистам, а Германии, - который был воплощен в идеале якобы аполитичного человека, распространенного в первую очередь в среде офицеров и государственных служащих. Часто этому образу сопутствовало неприятие плебейских штурмовых отрядов в коричневых рубашках (СА), которое в общественном сознании прекрасно уживалось с активным вступлением в более «культурные» подразделения – СС. В некоторых бастионах прусских военных традиций – как, например, в легендарном 9-м Потсдамском пехотном полку – национал-консервативные взгляды способствовали уходу во «внутреннюю эмиграцию» и стали почвой для возникновения Сопротивления, хотя это и справедливо лишь в отношении небольшой группы офицеров.

Еще дальше от Сопротивления находилась основная масса консерваторов-представителей высшего общества. Можно насчитать всего несколько несомненных консерваторов среди протестовавших, которые с самого начала отрицали режим национал-социалистов, хотя неприятие массового коричневого движения со временем ширилось и углублялось. В процессе крушения иллюзий, происходившем в среде консерваторов, пришло осознание того факта, что национал-социалисты преследовали долгосрочные цели, сильно отличавшиеся от тех, которые ставили перед собой консерваторы в отношении авторитарного государства, основанного на сословном делении «единого немецкого народа». Среди различных организаций, например, союзов бывших фронтовиков, таких как Союз ветеранов Киффхойзер, консервативные идеи смогли сохранить себя; возможность ухода в разрешенные полуофициальные сферы также можно в какой-то мере рассматривать и как альтернативу деятельности в Сопротивлении, и как путь к созданию свободного пространства политической коммуникации.

Исследования по истории Сопротивления национал-социалистическому режиму активизировались в 1980-е гг. В результате было установлено, что за редким исключением об участии в Сопротивлении консерваторов и национал-консерваторов можно говорить лишь после подъема коммунистического и социал-демократического Сопротивления. К немногим исключениям можно отнести группу, образовавшуюся вокруг Эдгара Юлиуса Юнга и ликвидированную в 1934 г.; она не вписывалась в национально-консервативную схему, которой прежде объяснялось возникновение

Сопrotивления прусского дворянства. Но и в этой среде изначально присутствовало восхищение национал-социализмом, в большей степени среди молодых дворян, чем среди старых; это же справедливо и в отношении обеих христианских конфессий.

Начиная с развернутой национал-социалистами с 1937 г. взрывоопасной ревизии Версальского договора, к которой также стремились и консерваторы, небольшая группа представителей традиционного класса власть имущих усвоила уроки и перешла от сотрудничества с режимом национал-социалистов к единичным формам Сопrotивления. Исследователи также указывают на военные преступления на Восточном фронте, которые должны были повлиять на взгляды традиционной армейской верхушки; однако знание об этих преступлениях не стало основной причиной и обоснованием действий участников более позднего заговора и покушения 20 июля 1944 г.

Консерваторов-участников Сопrotивления нельзя отнести к какому-либо определенному кругу. Поэтому с осторожностью следует прибегать к принятому в исследованиях идеально-типичному определению «национально-консервативного Сопrotивления» в равной степени в адрес окружения бывшего бургомистра г. Лейпциг от партии консерваторов (до 1937 г.) Карла Фридриха Гёрделера и «кружка Крейзау». Отличия можно описать следующим образом: в то время как сторонники Гёрделера придерживались давних традиций немецкого национализма, пропитанных государственным вильгельмизмом, консерваторы-приверженцы «кружка Крейзау» вели свое происхождение от сторонников юной духом консервативной революции, сначала с большим воодушевлением приветствовали немецкий национал-социализм, но позже в массе своей достаточно быстро и категорично его отвергли. Типичным представителем кружка Гёрделера можно считать Ульриха фон Хасселя, родившегося в 1881 г. в Анкламе (Померания), бывшего к концу Первой мировой войны убежденным консерватором и членом Немецкой отечественной партии, перу которого принадлежит труд «Мы – юные консерваторы». Адам фон Тротт цу Зольц, родившийся в 1909 г. в Потсдаме в семье министра культуры Пруссии, или Фритц-Дитлоф граф фон дер Шуленбург, родившийся в семье дипломата в Лондоне в 1902 г. и, несмотря на раннее вступление в НСДАП, оставшийся верным своим «обусловленным протестантской этикой прусско-аристократическим принципам», являются прекрасным примером группы «молодых» из «кружка Крейзау».

И все же удачная биография Шуленбурга, написанная Ульрихом Хайнеманном, носит название «Консерватор-повстанец». Охарактеризовать приверженцев консервативного Сопrotивления можно как одиночек из одного и того же социального слоя. Они оставались верными себе и противились нововведениям – сначала как революционеры-консерваторы в борьбе против Веймарской демократии, а позже, опять-таки на основании собственных убеждений, возражая против неверного пути, избранного Германией с 1933 г. Таким образом, обозначение некоей консервативной части дворянства стоящими на позициях Сопrotивления кажется неправомерным. Современные исторические исследования

доказали, что дворянство не особенно тяготело к выработке повстанческой позиции, скорее справедливо обратное. Впечатление о единстве консервативного лагеря могло сложиться исключительно на основании анализа покушения 20 июля 1944 г., среди участников которого большинство было представителями дворянства. Но это были те представители правящей элиты, кто ввиду приближавшегося очевидного и безоговорочного краха национал-социалистического режима хотел предотвратить падение Германского рейха, в чем, несмотря на постигшую их неудачу, нам следует признать их моральные заслуги.

Говоря о консервативном Сопротивлении, мы скорее подразумеваем круг интеллектуалов, обозначившийся после Первой мировой войны, просуществовавший вплоть до конца Третьего рейха и оказавший значительное влияние на биографии некоторых участников Сопротивления. В целом же понятие «консервативное Сопротивление» применимо лишь к отдельным лицам.

БИБЛИОГРАФИЯ (BIBLIOGRAPHY):

1. Konservatismus in Deutschland. Vom ausgehenden 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. München, 1998.
2. Schildt A. Bindung an ein konservatives Milieu als Voraussetzung von Widerstand gegen das NS-Regime? Einige Anmerkungen zu einem Forschungsproblem // Kunze R.-U. (Hrsg.) Distanz zum Unrecht. Methoden und Probleme der deutschen Widerstandsforschung. Konstanz, 2006. S. 81-94.
3. Schildt A. Der deutsche Konservatismus – Kontinuitäten und Brüche im 20. Jahrhundert // Grunewald M., Puschner U. (Hrsg.) Le Milieu Intellectuel Conservateur en Allemagne, da Presse et ses Réseaux (1890-1960). Bern, 2003. S. 27-45.
4. Schildt A. Die Illusion der Konservativen // Schmädke J., Steinbach P. (Hrsg.) Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler, München, 1985. S. 151-168.